

Допустима и несколько иная логическая последовательность первых шагов. Если за отправной пункт сообщения принять картину мира и фонд знаний, общий для носителей данного языка, то интродукция может быть разбита на следующие этапы: 1) существует класс отождествимых объектов, т. е. а) существуют объекты, б) они образуют естественный класс, который адресат умеет отличить от других классов и о котором располагается некоторыми знаниями; 2) один из членов этого класса явится предметом сообщения; 3) этот объект обладает такими-то свойствами, отличающими его от других членов класса; 4) в дальнейшем он будет идентифицироваться таким-то именем.

При таком структурировании начала текста экзистенциальное утверждение относится к классу предметов, входящему в общие представления данного народа о мире (апелляция к опыту и знанию), и только тем самым к каждому члену класса в отдельности, в том числе и к тому, о котором пойдет речь в последующих сообщениях. Соответственно включение в класс (таксономическая предикация), противопоставляющее данную категорию объектов всем прочим категориям, заменяется выделением из класса, противопоставляющим данный объект всем другим объектам внутри класса. Коммуникативный фокус переносится с утверждения «X входит в класс котов (является котом)» на утверждение «Из существующего класса котов выделим одного, такого, что...». Иными словами на смену оппозиции внешней (родовой) приходит оппозиция внутренняя (индивидуальная). В первом случае акцент падает на свойства класса («котовость»), во втором — на свойства индивида (члена класса) — того, например, кота, который носит сапоги и шляпу с пером, того другого кота, который предпочитал четвероногому бегу езду в трамвае и умел поддеть вилкой маринованный гриб, или, наконец, того третьего элегического и наблюдательного кота, который предавался воспоминаниям и отзывался на кличку Мур. В первом типе интродукции индивидуальный (хотя и не индивидуализируемый) объект появляется на первом же этапе, и фоном ему служит мир; во втором — индивид возникает уже на фоне класса, т. е. себе подобных, поэтому он сразу же требует указания на отличительные признаки. Сопутствующий имени детерминант *один* сигнализирует о начале индивидуализации избранника.

Итак, если заданным считается существование некоторого класса предметов, то в принципе нет особой нужды, выделяя из состава класса конкретный (известный говорящему) предмет, специально сообщать о том, что он существует.

Может показаться, что различие двух типов интродукции относится скорее к области схоластики, чем лингвистики. Между тем их сопоставление имеет лингвистический смысл. Оно показывает итоговую эквивалентность акта включения существующего предмета в охарактеризованный класс и акта выделения из существующего (заданного) класса одного из его членов. Оно также свидетельствует о том, что в основе категории неопределенности, всегда соотносимой с понятием класса, лежат, по-видимому, две функции: значение вхождения в класс (оппозиция другим классам) и значение выделения из класса (оппозиция другим членам класса), обнаруживающие себя в самом истоке текста. Очевидно при этом, что возникновение неопределенного артикля стимулировано именно выделительной функцией.

Реальность существования указанных двух типов интродукции к тексту подтверждается языковыми данными, в частности фактами русского синтаксиса. Интродукция первого типа отвечает структура таких предложений как *Жил-был медведь*; *Жил на свете рыцарь бедный*; *Жил-был король однажды*. В предложениях этого типа спорадически включается квантор выделительности *один*: *Жила-была одна девочка*. Переход от принципа включения в класс к принципу выделения из множества не изживает бытийного значения. Происходит своего рода синтез бытийного утверждения с идеей выделения из класса, который, возможно, объясняется тем,